

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Смолькин А.А.

**Социальный статус пожилых людей в практиках
повседневного взаимодействия
в общественных местах**

Москва 2017

Аннотация. Современная «кавказская» («традиционная») модель уважения принципиально отличается от «сельской» и иллюстрирует обозначенное выше теоретическое различие в типах уважения. Различие между условными «традиционными» (Средняя Азия, Кавказ) и собственно российскими территориями не в частоте или строгости соблюдения норм, а в различных моделях уважения.

Один из наиболее интересных и перспективных сюжетов по этой теме, раскрытый в работе – как меняются установки мигрантов из указанных областей (сельская местность, Кавказ, Средняя Азия и т.п.) по отношению к пожилым людям после переезда первых в крупный российский город. Результаты качественного исследования (глубинные интервью) показали, что представления о норме уважения у мигрантов остаются если не прежними, то, по крайней мере, все же более высокими, чем городские стандарты, и главные деформации приходятся именно на поведение, но происходят они медленно и порой почти незаметно для них самих. У определенной части мигрантов (попадающих по приезду в родственную культурную среду/сообщество; приехавших на непродолжительное время) изменений может не быть вовсе.

Среди причин того, что представители культур с традиционно уважительным отношением к старости не проявляют его в должной степени в российских условиях, следует назвать следующие: а) практически полное отсутствие репрессивных санкций за неоказание уважения в анонимных ситуациях; б) разрушение способа уважения – несимметричные реакции пожилых людей в России в ситуациях межпоколенческих контактов сбивают носителей «уважительной» культурной традиции с усвоенных ими моделей реализации уважения; несмотря на немногочисленность таких случаев, они могут изменять траектории поведения субъекта/наблюдателя; в) размытость объекта уважения – нестатусное с точки зрения представителей традиционных культур поведение пожилых может не просто вступать в противоречие с имеющимися представлениями о норме, но и дисквалифицировать пожилого человека как потенциальный объект уважения; г) в городских условиях строгое следование традициям, особенно таким, которые непонятны/незаметны для аборигенов, может стать поводом для насмешек или иных репрессивных действий. Возможно, частью мигрантов такая приверженность традициям под давлением окружения начинает восприниматься как признак слабости/несамостоятельности, непрестижный/устаревший вариант поведения, от которого следует отказаться для успешной адаптации.

Смолькин А.А. старший научный сотрудник лаборатории анализа общественных коммуникаций ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год.

СОДЕРЖАНИЕ:

ВВЕДЕНИЕ	4
ТРАНСФОРМАЦИИ GERONТОЛОГИЧЕСКИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК У ИММИГРАНТОВ	9
ОТНОШЕНИЕ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ: ВЗГЛЯД РЕСПОНДЕНТОВ.....	10
МАГНЕТИЗМ СООБЩЕСТВА: «СЕЛЬСКАЯ» МОДЕЛЬ ОТНОШЕНИЯ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ	14
ПОЧТИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К СТАРШИМ НА КАВКАЗЕ	21
«ЭТО ВСЕ УМИРАЕТ И КУДА-ТО ОТХОДИТ НА ЗАДНИЙ ПЛАН»: ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО.....	31
ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ИММИГРАНТОВ ГОРОДСКИЕ РЕЖИМЫ КОММУНИКАЦИИ VS. СЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	34
ПОСТЕПЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ	34
НЕСТАТУСНЫЕ ОТВЕТЫ/ПОВЕДЕНИЕ ПОЖИЛЫХ В СИТУАЦИЯХ КОНТАКТА.....	36
ТРАДИЦИОННОЕ И НЕПРЕСТИЖНОЕ: СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ КАК ПАРАФРАЗ «МАМЕНЬКИНОГО СЫНКА».....	41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	43
СПИСОК ИНФОРМАНТОВ	45
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	47

ВВЕДЕНИЕ

Возраст неизменно интересует исследователя-практика и является едва ли не самой популярной переменной в таблицах сопряженности, но при этом практически не попадает в фокус теоретических рассуждений социологов. Причина такого положения в том, что в языке современной теоретической социологии нет понятия возраста, оно не отсылает ни к одной значимой теоретической традиции, но и не является чистым социальным конструктом. Из работ общепризнанных классиков можно назвать разве что «Социологию поколений» Карла Мангейма и эссе о старости Симоны де Бовуар, а так же работы Эрика Эриксона. Неверным будет сказать, что работ нет совсем – но нет прорывных работ, которые сделали бы социологию старения «научным событием». Это отражает нашу теоретическую растерянность, теория оказывается нечувствительна к вопросам возраста, а чаще всего вовсе не учитывает возрастных различий.

Далее мы сосредоточимся именно на этом сюжете и постараемся указать на возможные пути выхода (или по крайней мере преодоления принципиальных проблем) из сложившейся ситуации. Подобно тому, как достижения современной медицины (пересадка органов, приборы для поддержания жизни и т.п.) и проблема эвтаназии вынудили нас уточнить и скорректировать определение смерти, мы нуждаемся в переопределении старости с социологических позиций.

В современной социологической теории (за редкими исключениями – но даже в этих случаях речь вовсе не идет об актуализации возраста) все акторы оказываются равно «акторными», хотя самоочевидно, что это в действительности не так (мы могли бы сказать, что социальная теория здесь сама работает как механизм дискриминации, не учитывая ограниченных возможностей некоторых участников ситуации – или даже игнорируя их вовсе). Под «актерами» в таких теоретических построениях почти всегда по умолчанию подразумеваются взрослые люди. Если справедливо то, что социология должна рассматривать социальные действия, то мы получаем ряд ограничений в наблюдениях. Например, в юридической логике дети/подростки не всегда оказываются актерами¹, поскольку юридическая ответственность за свои действия наступает лишь с определенного возраста, гораздо позднее того, в котором эти действия появляется возможность совершать. Право на

¹ Обращение «ты же взрослый человек!», собственно, напоминает адресату, что он «вменяемый», «нормальный» и «ответственный» – в отличие от, например, ребенка.

труд, аборт, независимость, свободу перемещений – или уголовная и иные виды ответственности появляются и исчезают вовсе не вместе с человеком, а имеют возрастные ограничения. (При этом очевидно, что границы здесь условны, и реальная, а не юридическая способность нести ответственность или иметь права вовсе не наступают одновременно.) В этом смысле в классической социальной теории дети (или – но с определенными оговорками – старики²) полноценными акторами быть не могут; странно, что социологи детства или геронтологи еще не обвинили Вебера в дискриминации. Этими отклонениями можно пренебречь, когда теоретизируется (со)общество в целом (уже в силу того, что дети или пожилые люди, не являясь в полной мере самостоятельными не только в юридическом, но и в практическом смысле, не могут быть выделены в отдельные независимые сообщества).

Индивид в социальной теории – нечто обобщенное, типичное и условно приравненное к другому индивиду. Имплицитно допускается, что все люди разные, но считается, что они могут изучаться без «индивидуализации» вследствие общности своих базовых характеристик. Традиционный упрек недостаточно радикален – он предполагает, что хотя такой подход не учитывает различий, пусть и фундаментальных, но они все же сводимы к чему-то социальному, в результате чего эти различия должны пониматься как вторичные и производные. Однако я полагаю, что в случае старости существует нечто, выводящее ее из такой зависимости от социального (в первую очередь это биологическая обусловленность), а потому старость нуждается в дополнительном теоретическом объяснении. Эта специфика если и находит свое отражение в конкретных исследованиях (впрочем, довольно слабое), но так и не составило сердцевины общепринятой социальной теории старения.

Во многом эти упреки относятся не только к отечественным, но и к западным исследованиям – концептуальная работа здесь практически не ведется или в лучшем случае недостаточна – в том смысле, что отстает от ведущих областей социологии. Анализ Венгтом Бенгтсоном статей по социальной геронтологии за 1990-1994 показал, что в большинстве публикаций (72%) в 8 журналах не сделано ни одной отсылки или упоминания какой-либо теоретической традиции [1, р. 7]. Акенбом

² Отличительная характеристика старости – ее условные и плавающие границы, зависящие, в отличие от детства, уже в меньшей степени от биологической предопределенности, но и от образа жизни.

деликатно описывает эту ситуацию как «структурную задержку» (structural lag) между теориями и методами [2, р. 13], хотя в действительности точнее было бы говорить о значительном разрыве. Такой разрыв указывает нам на то, что проблемы старения исследуются и анализируются скорее как социальные (в силу их значительной актуальности), но не как социологические. Показательно, что среди нескольких сотен англоязычных (=передовых) журналов, посвященных старению, в том числе и социологических, нет ни одного (!), относящегося к собственно социологии старения таким образом, чтобы отразить это в своем названии. Мы парадоксальным образом имеем дисциплину (sociology of old age) без самостоятельного журнала. Не случайно, возможно, в последнее время все чаще стремятся обозначать эту исследовательскую зону как gerontology, social gerontology или aging studies – названия, обозначающие объект, поле исследования, но не сводимые к предмету социологической рефлексии. Отсутствие надежной теоретической рамки заменила актуальность (постарение – ключевой демографический тренд, с одной стороны; а, с другой – социология стремится быть практичной, «приносить пользу» и бороться с очередным «-измом»).

Стоит ли при этом удивляться, что бытующие определения старости наследуют медицинской традиции (ссылаются, как правило, на определение ВОЗ) даже в тех работах, которые стараются от медикалистских интерпретаций дистанцироваться.

Я полагаю, что определения старости, используемые в социальных науках, по большей части неудовлетворительны, так как не раскрывают его сущностных характеристик³. В большинстве случаев авторы и вовсе ограничиваются указанием на возраст, видимо, имплицитно полагая, что старость есть нечто самоочевидное. Однако утверждать в социологической работе, что старость – это «то, что после 60» все равно, что говорить, что посуда – это то, что хранится на кухне в шкафу. Это отсылает нас к формальным или остенсивным определениям – но не к содержательным. Именно здесь старость и с точки зрения определений начинает напоминать известное сравнение с «третьим миром» [3, с. 290]. В итоге мы имеем не понятие, а скорее указатель на еще не картографированные и не описанные территории. (В действительности кончается карта, а не территория; для

³ Нетрудоспособность по возрасту – кажется, исчерпывающее *экономическое* определение старости, а пенсионеры, продолжающие работать – издержки формальной границы установления нетрудоспособности. Привычный для социологов термин «третий возраст» имеет в целом близкородственный смысл.

долгожителей даже нет определения возрастной нормы, в результате чего сложно судить, какие состояния являются паталогическими, а какие в действительности оказываются нормой, о чем см. ниже.) В этой перспективе долгожители приобретают тот же статус и внимание, что и экзотические редкости из южных стран во времена колониализма. И, с другой стороны, отслеживание за тем, кто прожил дольше, превращается в соревнование по типу спортивного.

Возрастная периодизация работает примерно в той же логике, что и территориальное деление, и если для детства она еще оказывается эффективной⁴, то в случае старости теряет свой предсказательный потенциал (или, говоря точнее, эта логика работала, пока отгороженная хронологической меткой территория старости была невелика). Свидетельство этому – отсутствие понятия физиологической нормы для поздних возрастов [4, с. 53]; иными словами, хронологический возраст в старости окончательно перестает что-либо объяснять. Социальных геронтологов, регулярно упрекающих врачей в медиализации старения, впору самих обвинить в его демографизации.

Если в основании социологической работы оказываются демографические/статистические определения, то это означает, что на выходе, после всех аналитических усилий мы не можем получить больше, чем очередную теорию среднего уровня, которая будет «ломаться» буквально каждую пару десятилетий вследствие изменения сочетания целого ряда факторов – возрастной нормы, трудовых нагрузок, преобладающего типа занятости и т.п. А ведь в огромном количестве традиционных культур на протяжении большей части их истории никто не фиксировал возраста – и, тем не менее, проблем с определением старости не существовало. По мнению Стивена Каца, в конце XX века периодизация старения начинает рассматриваться как препятствие исследованиям из-за недостатка в прогнозах и концептуальной жесткости [5, р. 62], хотя я бы понимал это как отсутствие концептуальной связанности вообще.

Я полагаю, мы можем собрать новое, более адекватное определение старости из двух концептов – связанной с возрастом дисфункциональности⁵ и жизненного

⁴ Для детства степени «функциональности» в целом все же соответствует хронологическим периодам, а различиями обычно пренебрегают из-за их незначительности, индивидуализированных настроек заботы/воспитания внутри семей, самим фактом того, что дети не являются полноценными акторами социальной системы, будучи ограниченными в правах и обязанностях, и т.п.

⁵ Понимая ее шире, чем нетрудоспособность (в современном мире понятия нетрудоспособности и несамостоятельности уже не могут осмысляться как одномерные и непременно следующие друг за другом [18]), и признавая ее в первую очередь культурную, а не физиологическую обусловлен-

опыта/заслуг как в первую очередь поколенческой⁶ характеристики. Принципиально важно здесь соприкосновение обоих элементов. Пожилые ровесники друг относительно друга скорее более или менее дисфункциональны – но не старики. Возраст здесь перестает быть чем-то большим, чем причиной инвалидности. С другой стороны, в повседневной жизни называть кого-то стариком без отсылки к физическому состоянию означает «отделить наборы понятных ему смыслов и жизненного опыта от своего собственного», если использовать это слово в экспрессивном значении (здесь, однако, важно четко отделять старость от идеи старшинства). Далее я буду говорить о старости именно в этом смысле.

Нам необходимо отказаться от демографического понимания старости как главного препятствия для интеграции возраста в социальную теорию, и искать новое определение старости на пересечении понятий возрастной дисфункциональности и жизненного опыта / авторитета. Такая перестройка потребует радикального переопределения проблемного поля геронтологических исследований в социальных науках.

Старость, являясь неавтономным внутри общества состоянием, становится возможной только в сети признаний, следствием чего является конститутивное значение уважения для старости. Основываясь на идеях Канта и Даруэлла, мы можем выделить две модели группового уважения — «компенсационное уважение признания» (адресованное тем, кого считают нуждающимися в дополнительной поддержке, что соотносится с возрастной дисфункциональностью) и «групповое оценочное уважение» (предназначенное заслуживающим дополнительного уважения, тем, перед кем мы считаем себя в моральном долгу, что связывается с жизненным опытом / авторитетом). Именно пожилые люди оказываются особенной группой-адресатом уважения, пребывающей сразу в обеих возможных классификациях – и как объект потенциальной помощи, и как объект благодарности, своего рода живой памятник.

ность [19], вследствие чего она приобретает значительную вариативность и перестает быть самоочевидной.

⁶ Поколение в данном случае – теоретически нестрогий термин, с помощью которого мы фиксируем возрастные различия менее формальным, но более содержательным образом, чем в случае простого указания на хронологический возраст.

ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК У ИММИГРАНТОВ

Сегодня отношение к пожилым людям в крупных российских городах по умолчанию признается неуважительным, ответственность за что обычно инкриминируется молодежи. Но в действительности причины непоявления уважения к пожилым людям неверно сводить, например, к «отсутствию воспитания» или каким-либо еще формам ее морального несовершенства [Подробнее см.: 6, с. 106-121]. В качестве главного аргумента такой позиции можно привести следующий: зачастую даже носители культурной традиции, предполагающей уважение к старости (скажем, кавказские и/или среднеазиатские мигранты), в условиях крупного российского города это уважение не проявляют – или, лучше сказать, проявляют его с недостаточной с точки зрения их собственной культурной традиции строгостью.

Исследуемая нами ситуация особенно интересна, так как позволяет анализировать межпоколенческие взаимодействия в крупных российских городах через призму уникального видения человека, являющегося носителем не просто уважительной модели отношения к пожилым людям – но такой модели, которую в отечественных СМИ нередко представляют как образец. Опыт социальной адаптации иммигрантов дает возможность обнаружить такие специфические особенности российской городской повседневности, которые нам самим кажутся естественными и самоочевидными – а потому не попадают в поле рефлексии. Однако именно они, по всей видимости, оказываются ответственными за разрыв связи между признаваемым всеми необходимым «хорошим отношением к старости» и «уважительными действиями по отношению к пожилым людям».

Как и почему меняется модель отношения к пожилым людям у мигрантов - носителей культурных традиций, традиционно описываемых как особо уважительные к старости, в ситуации крупного российского города? Что блокирует уважительные действия? Или, возможно, сама установка на уважение оказывается разрушенной или трансформировавшейся?

Однако прежде, чем перейти к ответу на этот вопрос, проанализируем ситуацию с точки зрения самих городских жителей.

ОТНОШЕНИЕ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ: ВЗГЛЯД РЕСПОНДЕНТОВ

Отношение к пожилым людям в обществе оценивается респондентами в диапазоне от «отношения охладели» до «в большей степени плохое». Вспомненные одной из респонденток примеры «хорошего отношения»⁷ – пассажиры помогают открыть дверь в маршрутке, отсаживаются, чтобы пожилой человек сидел ближе к выходу – по всей видимости, продиктованы по крайней мере не в последнюю очередь желанием сэкономить время, предупредить потенциальную конфликтную ситуацию с водителем, и как «хорошее отношение» в чистом виде объяснены быть не могут.

Примеры агрессивных действий по отношению к пожилым людям приводились, как правило, в гипотетической перспективе, в конструкциях с «может...». Можно предположить, что, несмотря на отсутствие непосредственной агрессии, она осознается как возможная участниками ситуации.

Ну, раньше никогда там... пожилого человека, я считаю, не назовешь там... ну, матными словами, в принципе. А сейчас там – ну, если какая-нибудь бабушка зайдет куда-то там с сумками, или в очереди будет там стоять, запросто какой-то молодой человек может ее обматерить... куда ты, там, старая, лезешь?

(интервью №35)

Перед подъездом сидит молодежь, кричит, выходит старая женщина, делает им замечание, в лучшем случае... в 1980-е тихо собрались и ушли бы. Сейчас может дойти до убийства, наверное. До такой степени. Особенно ясно видно это на поколениях, которые школу заканчивают. От 13 до 16 лет.

(интервью №36)

Практически все респонденты сообщают о своих уважительных аттитюдах к пожилым людям, но это утверждение сопровождается регулярной оговоркой о необходимости симметричного уважения.

⁷ Здесь и далее я беру в кавычки «хорошее» и «плохое» отношение в силу недостаточной внятности содержания понятий; я использую именно эту «естественную» типологию главным образом с целью деконструкции представлений о «плохом отношении».

я сам просто отношусь так, как ко мне относятся. <...> Если видишь, что та же самая бабушка на меня орёт, какое уважение может быть? А если там «сыннок, уступи место», то, конечно, я уступлю.

(интервью №42)

Может быть такая малейшая, маленькая причина из-за того, что сами пожилые люди приводят к тому, что ты можешь им грубо ответить. Сами пожилые люди могут быть чем-то недовольны, и поэтому раздражительны, что-то им не понравилось, и они высказывают всё сразу же.

(интервью №43)

Подобные реплики легко – и необходимо – было бы игнорировать, если бы они были единичны, в то время как они нередки даже со стороны тех респондентов, которых сложно заподозрить в межпоколенческой злонамеренности (что, впрочем, не исключает полностью их возможного понимания как оправдания собственных [недостаточно уважительных] действий). В то же время необходимость такого избирательного уважения практически не оговаривается, например, респондентами – выходцами с Кавказа или [бывшими] сельскими жителями, когда они рассказывают о «малой родине». Любопытно, что проговаривать свои претензии к пожилым людям респонденты были склонны почти исключительно в тех случаях, когда их поощряли к этому прямым вопросом («Бывает ли, что пожилые люди сами виноваты в том, что к ним отнеслись неуважительно?» и т.п.).

И.: Не все пожилые люди заслуживают одинакового уважения?

Р.: Конечно, не все, как и любой человек. Насколько он заслужил репутацию, авторитет, насколько он добр, насколько отзывчив – такое отношение к нему и надо иметь. Конечно, он человек. Но не все люди одинаковы, и с одинаковым уважением я не могу относиться ко всем пожилым людям.

(интервью №44)

Справедливость таких утверждений безусловна, но настораживает их регулярное проговаривание – по сути, это подобно тому, как если бы покупатель просил в магазине непременно функциональный товар, каким он, казалось бы, и должен быть по определению. Видимо, подобные отклонения в поведении пожилых уже попадают в горизонт ожиданий, не оказываясь нетипичным исключением, и сам преклонный возраст не включает автоматически уважительных моделей поведения. В

частных ситуациях пожилым людям готовы помочь, но предупредительная работа по сохранению их лица не ведется.

Многие стараются по возможности избегать прямых контактов с пожилыми людьми в силу отсутствия общих интересов и нежелания вступать в бессодержательные, с точки зрения молодёжи, диалоги. Описывая своё поведение в общественном транспорте, некоторые респонденты говорили о том, что стараются даже не садиться, чтобы потом не пришлось уступать место: в числе прочих объяснений такого поведения – безусловно, и попытка уклониться от [дискомфортных вариантов] коммуникации; вместе с тем такая позиция сама по себе показательна – следовательно, межпоколенческие контакты могут быть дискомфортны/конфликтоопасны уже на уровне ожиданий, и даже при склонности к нормативному поведению не гарантируют социального удовлетворения. Назывались и более экзотические причины избегания – вплоть до инкарнаций из средневековой традиции:

Р.: Мне еще бабушка сказала – никогда с чужими бабушками не пытайся вступить в конфликт, потому что сейчас многие занимаются черной магией. Может, я мнительная, но я стараюсь как-то держаться в стороне от пожилых людей.

И.: А почему именно пожилые?

Р.: Как мне бабушка сказала, от скуки. <...> Бывает, если кто-то пристально смотрит, я фигу в карманчике, и подальше отвернуться...

(интервью №39)

Следует отметить, что такое предохранительное поведение (во всех вышеперечисленных вариантах) само по себе может создавать/усиливать эффект плохого отношения. Подобные опасения и возникающая в их результате некоторая коммуникативная настороженность – следствие убеждённости, что [многие] пожилые к молодёжи предвзяты и заранее ожидают со стороны последней плохого к себе отношения:

И.: А как вы считаете, сами пожилые люди думают, что к ним плохо молодежь относится?

Р.: Думаю, да. Ну, не, не то чтобы плохо, а... безразлично. Они считают себя никому не нужными. Соответственно, плохо.

(интервью №41)

Может, они привыкли, что к ним так относятся. Ну, [неуважительно]. Поэтому и [привыкли себя так вести] ... у пожилых людей предвзятое отношение к молодёжи.

(интервью №42)

По крайней мере, в отдельных случаях эти опасения оправданы – усиление межпоколенческой напряжённости может быть инициировано не только реакцией пожилых людей на действительное неуважение, но и склонностью последних к расшифровке всякого неоднозначного поведения как неуважительного, своего рода презумпции виновности (возможно, это может быть объяснено как следствие комплекса жертвы институциональных нарушений, когда ущемления своих интересов начинают ожидать практически везде):

Один раз я штраф оплачивал, перед кассой стою. Получается, стою я, за мной мужчина молодой, и потом бабушка, лет 80, тоже штраф оплачивает. Ну мы так с парнем переглянулись – «ничего себе!». 80 лет... А так получилось, что бабушка немножко встала между мной и парнем. И он ей говорит: «бабушка, что ж вы так нарушаете-то?». Он имел в виду, что ж вы штраф нарушаете, на дороге. А она имела в виду «что ж вы в очередь влезли?», и она говорит: «всё, я вас пропускаю!», а он говорит: «да нет, я не в том плане...». «Нет чтоб бабушку вперед пропустить, ты мне замечание делаешь!», он начал отговариваться, нет, я имею в виду по поводу штрафа, она ему «иди оплачивай, я теперь вперед тебя оплачивать не буду, раз ты мне замечание делаешь», он опять... ну, в общем, я оплатил и ушел, не знаю, чем у них там спор закончился, просто иной раз... вот он... с добрыми намерениями это было направлено, просто человек воспринял неправильно.

(интервью №40)

Гармония социального взаимодействия завязана на экспектациях, нередко работающих как усечённые случаи самореализующихся пророчеств, и, по всей видимости, именно общий фон негативных ожиданий [от] Другого фундирует многие практические проблемы межпоколенческого взаимодействия. В целом [коммуникативные] ожидания относительно пожилых со стороны молодёжи оказываются настоятельно-безразличными.

В качестве причин необходимости «хорошего отношения» респондентами указываются уважение к исторической судьбе («они нас защищали, сражались за

нашу Родину»), отождествление с образом прародителей («они чьи-то бабушки-дедушки»), ценность приобретаемого с возрастом жизненного опыта, и даже самообъяснительные элементы традиционной иерархии («просто старше») – иными словами, пожилые люди аттестуются как «заслуживающие дополнительного уважения».

Показательным представляется не проговариваемый непосредственно, но явно различимый мотив жалости/сочувствия. Здесь «хорошее отношение» выступает в качестве компенсации за утрату здоровья, недостаточное внимание государства и проч. Предполагается, что общество как бы берет пожилых людей на поруки эмоциональной поддержки.

К пожилым людям надо относиться уважительно, потому что они прожили больше, чем ты, значит, они уже этим заслуживают уважение. Тем, что они уже воспитали своих детей, пережили какие-то жизненные трагедии, от жизни многим досталось. Поэтому не стоит... В стране нашей у стариков тяжелая ситуация жизненная. Они не живут, они существуют в основном, если нет родственников. Поэтому к ним надо как-то больше проявлять снисхождение.

(интервью №37)

Я возможно нормально к этому бы относилась, если бы сидела бабушка, и мне ее в самом деле стало бы жалко, а тут вот я вот это увидела, что она себя нагло ведет, что все ей тут должны... Мне стало все равно, бабушка она или кто, вот своим этим поведением...

(интервью №38)

Полагаю, описанный контекст поможет лучше понять описываемую ниже специфику отношения к пожилым людям у сельских жителей и мигрантов из Кавказа и Средней Азии.

МАГНЕТИЗМ СООБЩЕСТВА: «СЕЛЬСКАЯ» МОДЕЛЬ ОТНОШЕНИЯ К ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ

Необходимо заранее сделать принципиальную оговорку – избыточная пасторальность описываемых ниже картин сельской и/или кавказской жизни может пониматься как результат возможной склонности информантов идеализировать родную им социальную среду, в результате чего описываются скорее не регулярные/обязательные практики, а представления/воспоминания о ценностях и идеалах поведения, иллюстрируемые примерами их соблюдения.

Цель этого раздела – не раскрыть особенности отношения к старшим на селе во всем его разнообразии, а, главным образом, указать на те фундаментальные отличия в логике уважения, которые позволяют выделять сельскую/традиционную модель отношения к пожилым людям в особый тип, отличный от городского. Иная механика не подразумевает со строгой обязательностью реализации этого стандарта уважения; речь скорее о том, что именно такая среда позволяет ему возникать/существовать.

Описанную модель справедливо называть традиционной, так как она, насколько можно судить, характерна для, по крайней мере, большинства обществ с преобладанием в горизонте потенциальной коммуникации членов (отсроченных) первичных групп, в результате чего отношения между людьми здесь оказываются «теплее», «душевнее» по умолчанию, еще до начала коммуникативного акта. Показательно, что информанты, характеризуя городскую повседневность, акцентируют внимание на общем безразличии людей друг к другу, где безразличие к старикам оказывается лишь частным случаем.

Всем тут наплевать. Не то, что там именно на стариков – наплевать на всех.

(интервью №19)

И.: Как по-Вашему, сейчас в обществе (России, Москве) относятся к пожилым людям?

Р.: Плохо (смеется). Но в Москве все-таки лучше, чем на периферии. <...> Общество в целом стало хуже относиться. Теперь относиться к пожилым без уважения – нормально. В моем детстве и молодости было не так. Сейчас пожилые люди фактически стали изгоями в обществе. Их притесняют со всех сторон. <...> Да все друг к другу плохо относятся, а к старикам – и тем более. Да и старики хороши – почему они такие злые по отношению к молодежи?.. Молодежи все равно. Она вообще ни о чем не думает. А неправильное поведение со стороны стариков продиктовано именно злобой. ... В обществе люди просто не замечают, что существуют пожилые, которым тяжело передвигаться, и вообще, жить им труднее. Пандусов нет. Ну, это я говорю про периферию — Смоленск вообще непригоден для того, чтобы в нем жили пожилые люди.

(интервью №22)

И.: Как вы считаете, почему уважения мало?

Р.: Мало, потому что в Москве человек заботится лишь о себе, максимум о близких своих. Как я уже сказала, многие даже к просто взрослым людям относятся как к врагам. Традиции многое решают. У нас на Кавказе люди веками шли к тому, что мы сейчас имеем. Восточные культуры, сама понимаешь. А тут в Москве... Просто людям дела нет. <...> Нет, есть такая середина, которая называется безразличием. Вот это точно проблема Москвы! Это скорее плохо, но не на столько же, как и «плохое отношение».

(интервью №23)

Честно говоря, я не вижу очень большой разницы. Но иногда мне кажется что в Беларуси люди говорят друг с другом (и в том числе как раз с пожилыми людьми) более спокойно и выдержано, порой и более приветливо. В Москве жизнь какая-то более напряженно-суетливая и поэтому в общественных местах люди реагируют друг на друга более нервно, если кто-то кого-то раздражает. Для меня, например, как для человека, родившегося в небольшом городке, оказалось чем-то новым московское метро. Что касается пожилых людей, часто наблюдаю, как в метро все спешат на работу, и когда в толпе оказывается какой-то старичок или бабушка, и начинает всех раздражать и все начинают обходить их с ужасно недовольным видом, поскольку все спешат, а пожилые люди ходят медленно. Не исключая, что я могу и немного преувеличивать в силу того что Беларусь моя родная страна и просто в целом я чувствую там себя комфортнее.

(интервью №24)

И.: Считаете ли вы, что отношение к пожилым людям изменилось? Сильно ли? С чем, по вашему мнению, это можно связать?

Р.: Да, изменилось, но я бы не стала выделять именно отношение к пожилым людям. Изменилось в целом отношение к людям. В принципе, уровень культуры упал. Если раньше, допустим, люди могли не уважать кого-то, но оставаться вежливыми, то сейчас зачастую – нет.

(интервью №25)

Случайные контакты с незнакомыми людьми в крупном городе не содержат никаких конкретных экспектаций, кроме стереотипных, а потому потенциально предконтактные ситуации механистичны и обезличены:

...там лиц радостнее, приезжаю я там, меня встречают с улыбкой даже люди, не родные, а просто знакомые там. А здесь, как правило, вот именно, все идут в городе, о своем думают, ни улыбки, ничего на лице нету.

(интервью №7)

Еще более отчужденными представляются информантам эпизодические контакты в мегаполисах. Отсутствие позитивных экспектаций заставляет драматизировать гипотетические эпизоды контактов, в результате чего в первом приближении наблюдателю не верится, что окостеневшая социальность оживет даже в ситуации индивидуальной катастрофы; разорванность/фрагментарность социальности понимается как ее отсутствие.

Р.: В Москве... [отношение] отличается. <...> Там идешь, вот точно, сам по себе ... никто ничего не скажет, идут все, своим чем-то голова загружена. Темп там намного выше. <...> Вот так идешь, упал, руку сломал, тебе... пройдут мимо. А хотя и у нас [в Саратове] сейчас также. Ну, у нас, я точно уверен, хотя бы один на десять остановится помочь. А там все мимо пройдут.

И.: Прямо все, думаете?

Р.: Ну нет. Ну, если образно выражаться, то да. Ну, конечно, кто-то подойдет, что-то скажет, предложит помощь.

(интервью №4)

Кажется, особенно остро это чувствуют информанты – выходцы из Средней Азии и Кавказа:

Здесь люди жестоко поступают со всеми. И с пожилыми в том числе. Нет уважения. Нет сожаления. Выражается практически во всем, но особенно это видно в ситуациях с массовым скоплением людей. В магазинах, на улице, в общественном транспорте. Пример могу привести. На днях случай со мной произошел. Ехала в автобусе, который платный, нельзя в нем оплатить социальной картой. Я сидела в самом конце и заметила, как бабушка поняла, что по карте оплатить проезд нельзя, а денег у нее не было. Водитель стал

возмущаться и выгнал ее из автобуса. Бабушка при всем еще и извинилась! Я уже собиралась сказать, что оплачу проезд за нее, но двери закрылись и автобус уехал. Никто из сидящих рядом со входом людей, даже не попытался помочь. Это ужасно.

(интервью №23)

Эффективность взаимопомощи такого рода основана на принципиальной не-анонимности интеракций внутри сообщества, где каждое твоё действие становится известным всем заинтересованным (или может стать таким «по запросу»). Отсюда следует, что сравнение сельских условий с городскими принципиально некорректно, речь идет о различных режимах близости людей, вступающих в коммуникацию, их реальной включенности в группу (общеизвестный факт – даже от незнакомых людей, встреченных в деревне на улице, скорее ожидают, что они поздороваются, чем просто пройдут мимо). Попробуем представить это в виде различных степеней «близости»: например, правила внутрисемейного взаимодействия предполагают более тесный, доверительный и ориентированный на взаимопомощь режим, чем нормы отношений с приятелями, а последние отличаются в лучшую сторону от режима общения с соседями по двору или подъезду, и т.п. Жители сельской местности, видимо, в подобной иерархии занимают относительно друг друга место где-то между соседями и знакомыми, а на практике во многих случаях вообще приходится друг другу родственниками.

Мигранты из сел и малых городов обычно настроены воспроизводить ту же модель и в ситуации большого города:

И.: Как по-твоему, как сейчас в Москве относятся к пожилым людям?

Р.: Поступив в этом году в ВУЗ, я каждый день катаюсь туда-сюда из Фряново (подмосковный поселок) в Москву и наоборот. В Москве я пользуюсь исключительно метро. Там на каждой станции напоминают о том, что, мол, уступи-ка бабушке и дедушке. Для меня эти оповещения совершенно не нужны, я в них не нуждаюсь, так как нас с детства приучали к уважению к пожилым людям. И, попав в такой огромный мегаполис как Москва, я не нуждаюсь в этих самых оповещениях, я ведь просто всегда это знала, зачем мне об этом напоминать? Многие не уступают место...наверное, не наши поселковые (смеется).

И.: А как в вашей местности относятся к пожилым людям?

Р.: В нашей местности много людей пожилого возраста, за многими из них некому постоянно ухаживать, так как их дети или внуки приезжают к ним только на праздники. Но помощники находятся всегда, какие-нибудь соседи или дети и внуки знакомых этих бабушек и дедушек. У нас каждый год отмечают «День пожилого человека», не знаю, что они там точно делают, но моя ходит туда ежегодно.

И.: А в какой помощи конкретно нуждаются пенсионеры, по твоим наблюдениям?

Р.: Нашим старичкам нужно всего-то сумки донести, через дорогу перевести. Место уступать им негде, так как по поселку довольно часто ходят полупустые автобусы. Когда на лето я еду в соседнюю деревню к бабушке, то там иногда я ношу воду с колодца ее соседке.

(интервью №26)

Что касается меня, я не просто уважительно отношусь к пожилым людям, я еще и очень люблю с ними иметь дело, разговаривать, общаться. Я увлекаюсь историей 20-ого века, поэтому я знаю что от старшего поколения того времени я могу много чего интересного узнать. Конфликтов у меня никогда не было серьезных, если не считать какие-нибудь глупые ситуации когда, например, в том же метро на меня накричал какой-то старик, что я замешкалась при выходе из вагона. Я не обижаюсь никогда на такие вещи. Посмотрев на морщинистое лицо того же старика я представила сколько он лет прожил сколько видел и радости и горя, ведь его молодость прошла в такое непростое противоречивое время, когда власть запугивала народ и люди порой жили, будучи готовы к любым невзгодам. А может он ветеран войны! Может у него расшатанные нервы потому что он пережил много бед... И такое можно сказать про многих пожилых людей. Они часто раздражают молодежь своей чрезмерной ворчливостью, например. Я тоже спокойно на это реагирую. Я очень хорошо общаюсь со своим дедушкой, которому недавно исполнилось 78 лет. Я рассказываю ему подробно про свою жизнь, так же как он мне рассказывал про свое детство и молодость. Из его рассказов меня настолько впечатлили истории о войне, которую он видел в 5 лет, о том, как его родители участвовали в партизанском движении Белоруссии, что я решила исследовать эту тему и поступать на исторический факультет!

Поддержка оказывается рассредоточенной в неформальных актах взаимодействия, и ее конкретные проявления не могут быть поняты сами по себе, оказываясь лишь звеньями в сложной цепи взаимопомощи; мы можем говорить о сетях поддержки, которые организуют все сельское сообщество.

Иными словами, речь в строгом смысле слова не идет о безвозмездности и альтруизме, это скорее особая форма кредита, возврат которого в случае с пожилыми людьми будет сделан, по всей видимости, в другой форме: присмотре за детьми или хозяйством в отсутствие домовладельца, специфической помощи в быту, денежных кредитах (пенсия – наиболее стабильный источник средств в сельской местности, в то время как работа или иные формы устойчивого заработка может быть далеко не всегда). Наконец, возврат возможен в отсроченных (благодарность в самых различных ее видах со стороны родственников адресата помощи) или морально-статусных формах (определенный бонус к репутации «хорошего соседа» и т.п.). Более того, благодарность может не подразумеваться в непосредственном будущем, но ориентироваться на отдаленные перспективы и специфические ресурсы – например, круг знакомств или родственных связей получателя помощи, благодаря которым можно будет решить те или иные проблемы, от поступления детей в вуз или школу, оказание медицинской помощи или иных профессиональных услуг.

Можно сказать, что на селе относительно полноценно функционирует та же модель отношения к пожилым, которая признается необходимой и жителями городов, но где она уже растеряла свое содержание и обязательность. Показательно, что информанты – выходцы из сельских районов часто не конкретизируют ее содержание по собственной инициативе, просто сообщая, что «у нас лучше» в значении, близком к «у нас эта модель работает», в отличие от информантов – представителей восточных культур, где норма уважения к пожилым людям заметно более строга, как, впрочем, и другие поведенческие нормы, что непременно особо оговаривается в отличиях:

[В Саратове] в массе относятся к старшим хуже. Ну, элементарно даже смотреть и в общественном транспорте, и так просто, в жизни. Не только даже к старшим, а просто даже уже к взрослым, к женщине... то есть я даже когда приехал, в транспорте элементарно уступал место девушке примерно моего же возраста. Там так принято. У нас даже были когда-то – сейчас это,

конечно, все забывается – такие обычаи, что пока самый старший в семье не сядет и не начнет есть, никто не имеет права дотрагиваться до еды, нельзя смотреть старшему в глаза <...> Соответственно, нельзя было слово сказать [поперек], спорить, слово всегда было за старшим.

(интервью №8)

И.: Скажите, пожалуйста, изменилось ли отношение к пожилым людям за время вашей жизни?

Р.: Ну это сложно сказать, времена всегда разные были... если в моей молодости уважение к пожилым людям выражалось более открыто, то сейчас если тебе дверь откроют или место уступят – это считается выполнили долг. У нас то как было: жили 3-4 поколения все в одном доме, самый старший спал на печи, обычно это бабушка наша была... Вечерами все вокруг нее, она, бывает, сказки начинала рассказывать, песни петь. Все, кто помоложе из семьи – вокруг нее, остальные – делами занимаются своими. Да и не было такого в голове даже, что можно со стариками не здороваться, не помочь что-то или другое... Сейчас уже поколениями не живут, всем бы квартиры отдельные, стариков – либо выселяют в свои деревни, либо – покупают квартиры им. Время поменялось, ничего не говорю, но все же тяжело одной бывает.

(интервью №27)

Насколько можно судить по литературе и сообщениям информантов, большинство из этих установок уже не соблюдаются сегодня согласно классическим образцам, однако они могут служить неким ориентиром «идеального поведения» для представителя этой культурной традиции. Иными словами, на практике это может оказываться дополнительным ресурсом уважения: например, стараясь подчеркнуть свою причастность к конкретной культуре, человек ведет себя в подчеркнута традиционной манере.

ПОЧТИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К СТАРШИМ НА КАВКАЗЕ

Сюжет о кавказском стандарте уважения к пожилым людям требует предудомления справкой о местной социокультурной специфике и традициях. Естественная изоляция этого региона и этническая замкнутость населения обусловили эффективность фильтрации инокультурных влияний, позволив сохранить многое из своего

культурного наследия даже в условиях СССР. Образ жизни, близкий к традиционному и сегодня – относительно высокий процент сельского населения (в постсоветский период доля сельского населения в большинстве республик даже немного выросла [7, с. 227]), господство натуральных/мелкотоварных форм аграрного хозяйствования, экстенсивная занятость, низкая социальная и пространственная мобильность, высокая этническая однородность – позволил сохранить многие местные обычаи, чему в известном смысле способствуют и характерные для региона в последние годы процессы культурной реставрации – сепаратистские тенденции, возвращение в систему образования национальных языков и т.д. [О современных тенденциях подробнее см., например: 8, с. 167-184]. Эти коллективистские общества с особой ролью этнически сформулированной мы-идентичности за годы советской власти утратили многие национальные черты материальной культуры (сегодня дома, одежда, даже питание здесь мало чем отличаются от российских), и тем важнее для самоорганизации/самопрезентации этноса оказывается коммуникативное пространство, с характерными для него высокой ролью взаимопомощи-как-взаимозависимости (отказ от принятия которой может восприниматься как «болезненное (курсив мой – А.С.) желание освободиться от власти других над собой» [9, с. 41]) и значительной степенью ритуализированности поведения, с его тщательной детализацией, отчего требуется не просто знание этикета, а умение исполнить его «с особым изяществом» [9, с. 17]; в результате, например, в адыгской традиции говорят об «искусстве находиться среди людей», «искусстве войти в контакт и выйти из него» и т.п. Если европейские представления о нижней границе нравственного действия могут ограничиваться непричинением зла другому, то кавказские нормы более требовательны, предписывая помогать другим не только по их просьбе, но и по собственной инициативе [9, с. 31, 34].

Особую роль здесь играло понятие чести – «потеря лица» оборачивалась социальной катастрофой, индивид оказывался без поддержки друзей, брачных перспектив, предавался остракизму вплоть до изгнания, и восстановление чести требовало долгих и мучительных усилий, если вообще было возможно. Показательно, что посягательство на честь семейства считалось более возмутительным преступлением, чем убийство родственника, и без компенсирующего убийства почти никогда не оканчивалось примирением [10, с. 388].

Почитание старших в формах, заметно превосходящих пределы простой вежливости – важная составляющая обычного права, общая для всех кавказских наро-

дов. Иерархические отношения, привязанные к естественной характеристике – возрасту – способствуют оптимальному воспроизведению традиционных порядков и в известном смысле снижают социальную напряжённость, воплощая в себе принцип «отсроченного равенства».

В семье старший мужчина был хозяином почти всего имущества её членов, ключевым авторитетом, без участия которого не решался практически ни один существенный вопрос. Дети находились под его полной властью; независимо от их возраста им вменялись в обязанность беспрекословное подчинение и почтительность – так, нельзя было даже заговаривать первыми и сидеть в его присутствии (а невестка должна вставать/приподнимается при имени свекра и даже при его виде в окно (!) [11, с. 16]). В случае развода дети обычно оставались с отцом. Даже если состояние здоровья не позволяло главе семьи вести активную социальную жизнь, его держали в курсе всех дел. Мы можем обнаружить здесь много параллелей с древнеримским *pater* [См., например: 12, с. 260]. Очередность вступления в брак также определялась порядком старшинства – например, осуждался выход младшей дочери раньше старшей, так как это унижало последнюю; родители могли проклясть нарушительницу, отказаться от регистрации её брака [10, с. 206]. Следует оговориться, что в ряде случаев старшинство могло подразумевать не только возраст, но и некоторые другие признаки – например, [жизненный] опыт и авторитет [11, с. 17].

Почтительное отношение к пожилым людям выходит далеко за пределы семьи. Запрещено прервать речь старшего (при необходимости вмешаться в разговор извиняются в самых изысканных выражениях), говорить ему, что он виноват или неправ, тем более уличать его во лжи; просьбы следует выполнять беспрекословно, если это невозможно, отказ в просьбе необходимо сопровождать извинениями, убедительными аргументами, при этом самого пожилого неприлично обременять какими либо поручениями, следует использовать менее обязывающие выражения. Невежливо даже просто сказать «здравствуйте», для этого существуют специальные вежливо-почтительные формы (например, «старцем счастливым будь»). Пожилого человека следует приветствовать вставанием, нельзя занимать отведённое старшим почётное место, неприлично окликать старшего, следует догнать почтительно обратиться, не полагается пересекать ему дорогу. Проявлением изысканной вежливости считалось встать, когда уважаемый старший пьет воду или если в разговоре называют имя почтенного старца или предка. Перед старшими нельзя стоять/сидеть в расслабленной позе, скрестив руки или засунув их в карманы, категорически запрещается курить

[13, с. 164; 70, с. 47; 72, с. 15-16] – иными словами, всякие намёки на собственную автономию из поведения должны быть исключены. Следует отметить, что многие из этих обычаев имеются и в русской традиции, по крайней мере в качестве рекомендаций, но уже практически выпали из повседневной практики. Человек, непочтительно обратившийся к старшим, мог быть сурово наказан, вплоть до остракизма [11, с. 14], причём следует отдельно подчеркнуть, что в своём выборе поведения субъект не был автономен – согласно традиционным представлениям, он рискует не только своей репутацией, но и репутацией предков, родственников, знакомых, друзей, тех, у кого он бывает или даже может быть в гостях [14, с. 297].

Многие из этих правил сегодня уже не соблюдаются в их классической строгости, но могут служить ориентиром идеального поведения для кавказца. Это может реализовываться как дополнительный ресурс уважения – желая подчеркнуть своё происхождение/причастность к соответствующей кавказской культуре, человек будет [демонстративно] вести себя согласно традициям.

Вообще современная кавказская модель, при всей ее внешней близости описанным выше отечественным сельским стандартам, оказывается принципиально другой: здесь информанты говорят об уважении к старшему не как о специфической форме моральной или практической благотворительности («уважение как помощь/внимание к слабому»), а как о признании его высокого авторитета («уважение к мудрости/статусу»), хотя самостоятельно эту разницу, кажется, не фиксируют.

И.: А как в вашей стране относятся к пожилым людям?

Р.: Очень уважительно, дети заботятся о своих родителях. Родители мальчика например, никогда не будут жить в бедноте, когда станут старыми, сыновья забирают родителей к себе. ... нас воспитывали так, что надо уважать старших. ... Дети обязаны содержать родителей в старости, беспрекословно помогать как родителям, так и просто пожилым людям на улице.

(интервью №28)

И.: А в Азербайджане по-другому?

Р.: Понимаете, это мусульманская страна. Там культура совершенно другая, воспитание с детства дается совершенно другое. Там если человек тебя на 2-3 года старше, ты его должен уже не просто как друг, ты его должен уже уважать, он как дядя для тебя. Не говорю уже о разнице в возрасте в 30 лет,

40 лет. Не как у нас, парниша лет 15 подошел, руку протянул... Вообще так принято не только в мусульманской стране, протягивает руку первым человек постарше.

(интервью №1)

И.: А как в вашей стране относятся к пожилым людям?

Р.: На Кавказе любой пожилой человек - этот к которому, в первую очередь, относятся с глубоким уважением. Сложно объяснить, в чем это выражается, но я попытаюсь на примере показать. Был случай у нас в городе, когда парень не уступил место в транспорте пожилой женщине, которая ко всему еще и на костылях была. Ему потом голову за это разбили. Я понимаю, что это жесток, и не способ решать конфликт таким образом, но у нас на Кавказе к этому очень серьезно относятся.

(интервью №23)

Уважение в этих случаях может подкрепляться эмоциями, уже практически не встречающимися в современном российском селе – скажем, чувством «страха» перед высоким авторитетом старика, однако здесь важно оговориться, что эти чувства понимаются как «страх» информантами, не относящимися к кавказской культуре, но имевшими только опыт наблюдения практики кавказской традиции, потому выбор термина условен. Весьма вероятно, что сами кавказцы определили бы его не как страх перед стариком, но как глубокое уважение перед традицией.

И.: А вот у вас знакомый из Армении [как относится?]

Р.: [У них значительно уважительнее] относятся, с какой-то опаской. Есть и уважение, и еще чуть-чуть какой-то опаски... Это из ихних там обычаев, это ихняя черта.

И.: Это похоже на то, как в АлГае (Александров Гай – А.С.) относятся?

Р.: АлГай – у нас есть лишь только уважение, а там уважение, к которому приплюсовывается такой... страх.

(интервью №5а)

[В Азербайджане] отец, он читится так, что ... вот отцу 60 лет, он старичок, а сыну 40, сильный мужчина, но... так боятся, что... не знаю, с чем это связано... другие повадки у молодежи.

(интервью №1)

Следует оговориться, что не так давно – 1-2 поколения назад – и в российской провинции (местами) действовала модель внутрисемейных отношений, где все указания старшего в семье выполняются обязательно и без задержек, а авторитет был непререкаем – впрочем, читая приведенный ниже фрагмент интервью, не стоит забывать и о дидактической роли подобных историй, рассказываемых старшими.

Р.: Исходя из того, что мне рассказывал мой отец, что у них считалось как... допустим, их отец его, это как бы считалось уже все, как идол, что ли, шел. Если он что-нибудь заставил сделать, это уже все, прямо надо уже 100% что попросил он...

И.: Большой авторитет, то есть?

Р.: Да! А у нас сейчас уже считается так, ну, отец сказал сделать то-то – «ну, потом», то есть это все так тянется, тянется. И когда все так затягивается, у нас уже не так как бы к ним отношение, как было у поколения чуть старше, чем я, ... ну, даже как мой отец...

(интервью №5)

Влияние старших на Кавказе распространяется на огромное количество сфер общественной жизни, и эту ситуацию склонны до сих пор воспринимать как естественную, хотя и не всегда справедливую. Неповиновение указаниям старика и даже просто публичное несогласие с мнением старшего в семье практически всегда оказывается настолько ненормативным, что просто не имеет легитимных способов для выражения, за исключением разве что самых радикальных ситуаций. Специфический контекст такого рода правил нельзя передать лучше, чем это сделают сами информанты:

Р.: Вот даже то, что не надо спрашивать согласие на женитьбу у старших... Мне кажется, наоборот, надо... тебе родители плохого не посоветуют. А у вас, у русских, не принято спрашивать мнение взрослого человека, если ты сам хочешь этого.

И.: А почему у вас хорошо относятся?

Р.: Не знаю, потому что это было испокон веков, потому что традиция такая. У нас до сих пор все вот это вот. Мне кажется, и будет. Это самое главное у человека – уважение к взрослому.

(интервью №3)

И.: А как вообще на отказы пожилые люди реагируют?

Р.: Да редко отказывают. Даже если отказывают, не говорят... в лицо никто сказать никогда не сможет.

(интервью №3а)

И.: У вас вообще бывают конфликты с пожилыми людьми?

Р.: Из-за того, что я росла на Кавказе и родители меня воспитывали так, что к старшим надо относиться с уважением, какими бы вредными они не были. Я на самом деле всегда готова помочь таким людям. Первое время даже в метро всем деньги давала, хотя сейчас понимаю, что далеко не всем надо на что-то жизненно важное. Случаи не уважения, я не помню. Сама видишь, как у нас на Кавказе с этим борются (смеется). Ну и Москва меня пока не изменила, так что стараюсь придерживаться своей позиции по этому вопросу.

Конфликты, безусловно, бывают, куда же без них. Ведь, они(пожилые люди) такие же как и мы. Иногда даже и более сложные. Но чаще всего получается так, что начинаю все не я. Всегда стараюсь уйти от выяснения отношений и ссор.

(интервью №23)

Согласно традициям, убить при кровной мести пожилого человека (равно как и женщину, больного или умалишенного) считалось позором [9, с. 389-390]. Насколько можно судить по интервью и косвенным данным, на Кавказе и сейчас, даже в условиях этнической напряженности многонациональных городов конфликты в основном происходят между молодежью, не распространяясь на отношение к пожилым.

И.: А как вообще [в Моздоке] отношения между людьми? Душевнее?

Р.: Ну, среди старшего поколения да. Среди молодежи нет <...> среди молодежи... там, так сказать, агрессивный настрой... кто-то не любит одну национальность. Кто-то не любит другую... постоянные ссоры. Идешь по улице, задел кого-то плечом, здесь никто внимания не обратит, там начнутся сразу разбирательства.

И.: А к старшим другой национальности?

Р.: Да нет, [все равно уважительно].

(интервью №20)

Здесь, однако, следует отметить, что, возможно, отсутствие открытого межпоколенческого противостояния объясняется именно тем, что подростковая агрессия оказывается направлена на сверстников. Не будь этого амортизатора, межпоколенческие отношения на Кавказе трансформировались бы более стремительно. Сегодня же даже мысль о возможном насилии в отношении пожилых вызывает культурный шок и отрицается:

И.: А бывают ли преступления относительно пожилых людей?

Р.: Я не слышала. Нет. Не бывает такого. Нет. Даже подумать страшно.

(интервью №3)

Аналогично и ситуация с попаданием пожилых в дом престарелых представляется почти невозможной, интонации информантов – представителей восточных культур здесь кажутся смущенными, это неловкая ситуация для сообщества в целом и угроза потери лица для близких родственников.

Р.: У нас просто... младший сын остается с родителями. Именно младший. Я если... сыновей нет, все дочери, то дочь остается. Никто [не сдаст] в дом престарелых [бабушку с дедушкой].

И.: А у вас они есть?

Р.: У нас есть, но один. В Назрани.

И.: А кто же там?

Р.: У кого дети умерли. Которые остались одни. Но это редко бывает. Бывает так, что племянница [берет на содержание]. <...> Когда он открывался, совсем недавно, показывали по местному телевидению, что открылся первый дом престарелых в Ингушетии. Раньше не было необходимости.

(интервью №3а)

И.: А как в вашей стране относятся к пожилым людям?

Р.: Нууу... если брать Владикавказ, то очень уважительно, просто гипер уважительно. У нас там даже нет домов престарелых. Сравнивая с Москвой, то, наверное, лучше у нас.

(интервью №29)

Во многих случаях ключевым стимулом к соблюдению нормы на Кавказе (возможно, в известной степени это справедливо и для сел/малых городов) является ее функция конструирования самоидентичности – подтверждение своей социальной полезности, максимально полный способ почувствовать себя одобряемой другими важной частью целого⁸. «Это самое главное у человека, уважение к взрослому»; то есть уважение здесь – качество, без которого человек немислим, только так он становится полноценным социальным существом, инкорпорированным в сообщество. Исполнение нормы приносит удовольствие особого рода – удовольствие (от) сопричастности, с ее помощью происходит нащупывание и обретение чувства «мы».

И.: [А что вы чувствуете, когда благодарят за то, что вы уступили место?]

Р.: Не то чтобы я просто выполнила долг... ей было приятно, бабушке, и мне стало приятно. Она меня еще «дочкой» назвала, так стало... было приятно.

И.: Это нельзя сравнить с чувством, когда помогаешь однокурснику, и он благодарит?

Р.: Нет (уверенно). Разница, да... Это, наверное, даже больше будет подходить к матери, когда тебя мать будет хвалить.

(интервью №3а)

Важно отметить и зеркальный характер уважения, работающий по принципу взаимоусиления, когда «правильная реакция» – то есть взаимное уважение и благодарность в форме «признания» младшего «достойным» – подкрепляет правильность совершенного действия, принося удовольствие и побуждая поступать так же и в дальнейшем. Согласно Б.Х. Бгажнокову, смысл проявления уважения в числе прочего и в том, чтобы продемонстрировать, насколько ты уважаешь собственное «я» [15, с. 50]. По всей видимости, для культур/сообществ с высоким значением личной чести/авторитета для социального статуса такие «цепные реакции уважения» чрезвычайно важны.

Характерно, что и сами пожилые в числе носителей уважительного отношения называют в первую очередь мигрантов из стран Средней Азии и Кавказа:

И: Вам уступают место в общественном транспорте?

⁸ В той же логике анализируют это и кавказские авторы, говоря о «сознании исполненного долга», «душевном равновесии и спокойствии», «самоуважении и уверенности в будущем» [см., например: 70, с. 32].

Р.: Да, в основном уступают, что приятно. В последнее время стало уступать больше народу и в 95 процентах случаев как только я вхожу в автобус, сразу несколько человек встают. Хотя мне кажется, это не из-за людей, а из-за того, что я стала выглядеть старше.

И.: А кто в основном уступает?

Р.: Началось все с гастарбайтеров – таджиков, узбеков и иже с ними. Недавно (ну, где-то год назад) стали уступать и наши, русские.

И.: А есть ли какие-то предположения, почему так происходит?

Р.: С гастарбайтерами все понятно – у них это в культуре, они уважают старость и не могут сидеть, если рядом стоит пожилой человек, да еще и женщина. Как-то раз я ехала в метро и зашла на станции, зная, что мне нужно выходить уже на следующей, в общем, смысла садиться не было. Я вошла, а рядом сидела группка таджиков. Так они все разом встали вместе, стали жестами указывать на освободившееся место. Я им говорю, мол, спасибо, выхожу сейчас, а они так и не сели обратно, просто стояли, а места были пустые...

(интервью №30)

И.: Вы видели, чтобы пожилым уступали место в общественном транспорте?

Р.: Конечно! Кавказские мальчики уступают, а наши — нифига. То есть это на уровне традиций. У кавказцев уважение к старшим заложено в их культуре, а в нашей такого нет...

(интервью №31)

Так как села и даже небольшие города в своей основе – повторюсь, по сути большие (отсроченные) первичные группы, каждый потенциальный участник коммуникации здесь, если и не знаком тебе непосредственно, то является другом или даже родственником кого-то из твоих друзей, о чем, как правило, заранее известно или легко предсказывается; проявлять в таких условиях неуважение немыслимо. Здраваться при встрече даже с незнакомыми людьми в деревне – обязательная норма вежливости.

Лично я в общественном транспорте вообще никогда не сажусь, так как знаю что другим людям это нужнее. Кто-то пожилой, кто-то еще нет, но он старше

меня, и, возможно ему тяжелее стоять, чем мне. Поэтому, по моему мнению, нужно конечно же всем пожилым уступать.

(интервью №24)

«ЭТО ВСЕ УМИРАЕТ И КУДА-ТО ОТХОДИТ НА ЗАДНИЙ ПЛАН»: ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО

Для современного села характерно медленное расползание по швам привычных здесь форм социальности – традиционные формы контроля через общественное мнение все менее эффективны, сообщество теряет инструменты влияния на отдельные семьи, семьи не имеют возможности прилагать достаточно усилий к контролю/воспитанию детей, и т.д. Прогрессирующее экономическое расслоение обуславливает новые принципы стратификации, позволяя не принимать во внимание статусы, не связанные с актуальными способами влияния.

И.: А если семья богатая? Если они от соседей не зависят, так сказать, зачем извиняться?

Р.: И такое есть. То есть они и не пойдут [извиняться за неуважительное отношение к пожилым их детей], и не будут, и наоборот еще и добавят.

И.: А это как-то изменяет отношение других сельчан к ним, к богатым?

Р.: Да. А потому что они ко всем так начинают относиться. Не только к пожилым. К тем, кто меньше достатком.

(интервью №14)

И.: А есть у вас люди там, которые без уважения относятся?

Р.: Да.

И.: А что же, общественное мнение не оказывает на них... давления, что ли?

Р.: (многозначительная пауза) Они сами могут оказывать.

И.: Это типа местные бандиты?

Р.: Ну типа того.

И.: Они, наверное, вообще всех не уважают?

Р.: Да. Они даже друзей своих не уважают.

<...>

И.: А остальные как [к этому всему] относятся?

Р.: Никак. Нейтрально. [Стараются не связываться].

(интервью №21)

Еще более важными по своим последствиям представляются изменения во внутрисемейных практиках. Укажу лишь на один пример – в деревнях, расположенных в радиусе прямого влияния разрастающегося города, такое соседство почти неизбежно ведет к снижению степени контроля за детьми:

И.: Некоторые родители как-то плохо детей контролируют и воспитывают, получается?

Р.: Вы знаете, все опять же связано с... вернемся к безработице – родители целыми днями в городе, ребенок предоставлен сам себе. Что он там делает, как он там делает? Вот от этого и получается. Большинство детей предоставлены сами себе, то есть улице.

(интервью №14)

Подобные умирающие села – инкубаторы завтрашних горожан, еще не имеющих опыта городской жизни, но и лишенных по крайней мере части лучших качеств сельской ментальности. Наступающие изменения персонализируются в молодежи, и, несмотря на типовой характер сожалений информантов – едва ли найдется поколение, довольное своими преемниками – кажется, действительно фиксируют процессы глубокого переструктурирования норм.

Конечно, есть вот сейчас нынешняя молодежь, которая, как говорится, плевать хотела на все это дело... Может, воспитание такое, или время такое, я не знаю. Все равно в школе же учат, этике с пожилыми людьми. Где-то что-то помочь, как говорится... Сейчас, мне кажется, это все умирает и куда-то отходит на задний план.

(интервью №15)

Начало деградации прежних поведенческих стандартов отмечают даже информанты – выходцы с Кавказа; для кавказских республик в постсоветский период характерен большой прирост миграционного населения [8, с. 222-223], и, несмотря на то, что приезжали, как правило, представители коренного этноса, их поведенческие модели во многом были русифицированы/искажены.

Р.: Ну в принципе как, в Осетии тоже сейчас ... ну как вот уже из России, многие уезжают в Россию, приезжают обратно и... тоже начинает уже все меняться... Допустим, то, что было 10 лет назад, и то, что сейчас. Взять хотя бы даже молодежь. Раньше, чтобы... пацаны даже прятались, [когда] курили, а сейчас уже спокойно девушки стоят курят. Раньше если бы увидели девушку курящей... не знаю, ее бы избили просто.

И.: Дома?

Р.: Да, дома... а сейчас это уже...

(интервью №20)

Характерно, что ослабление нормы уважения к старшим описывается через увеличение автономности молодежи [Близкие по смыслу данные см. также в: 17, с. 230-231, 235], утрату страха перед ними. (Полу)патриархальным обществам в условиях культурного кризиса нечего противопоставить западным ценностям, и они вынуждены постепенно сдавать позиции.

Р.: <...> у нас там идет тоже деградация в обществе, как я считаю. Причем довольно-таки быстрыми темпами.

И.: А с чем это связано?

Р.: Ну, я считаю, что больше всего идет воздействие СМИ. Потому что ниоткуда из других источников не может туда поступать информация, как в других местах обращаются с людьми. Насмотрятся этих сериалов и реалити-шоу и так далее. Начинается подражание вот этому всему.

(интервью №8)

Некоторые авторы указывают на прагматичные изменения в институте старшинства – «старшим» становится имеющий наиболее эффективные инструменты влияния на ситуацию, обладающий в данной группе наибольшими ресурсами [11, с. 195], хотя, возможно, это лишь следствие неизбежного для постиндустриального мира разрыва традиционной связки старший – влиятельный; иными словами, старость здесь никогда и не мыслилась отдельно от власти (а потому об отношении к «чистой» старости на Кавказе судить сложно), исключения же (например, уважительное отношение к пожилому человеку, не обладающему влиянием) легче объяснять инерционными эффектами. Впрочем, как отмечает тот же автор, традиционный модус института старшинства сохраняется и сегодня, но уже главным образом в тра-

диционно-ритуальном, внутреннем пространстве этнической культуры [11, с. 196]. Кроме того, характерный для региона бурный ренессанс ислама иногда приводит к обострению противоречий между мусульманскими нормами и институтом почитания старших в его кавказском варианте [16, с. 174-175].

ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ИММИГРАНТОВ ГОРОДСКИЕ РЕЖИМЫ КОММУНИКАЦИИ VS. СЕЛЬСКАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Отмеченное выше отсутствие внятных экспектаций от случайного общения в городских условиях имеет еще одно важное следствие: способы социального бытия в крупном городе не предполагают коммуникации с незнакомыми людьми без достаточных причин, и неопределенность границ повода к общению снижает/тормозит вероятность контактов. В таких неудачных стартовых условиях для коммуникативных действий обычно не хватает стимулов в виде «предконтактных ответов» – улыбок или иных форм демонстрации предрасположенности.

И.: А вы здесь предлагали кому-нибудь помощь?

Р.: Тут нет.

И.: А почему? Незнакомые люди?

Р.: Ну да, знакомые люди.

И.: А если новая бабушка в деревню приехала бы, предложили бы помощь?

Р.: Предложил бы. Потому что естественно, было бы уже всем известно, новая бабушка, ее бы уже все знали. Она была бы уже своей.

(интервью №21)

Невнятность ситуации, из которой никак не получается четко прочесть требуемый сценарий действий, приводит к первичному («по умолчанию») отторжению коммуникативных усилий другого.

ПОСТЕПЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ

Хотя содержательно поведение мигрантов может быть по городским меркам достаточно уважительным, они сами оценивают его сдержанно – в регулярно проводимых мною тестах приезжие нередко ставят себе более низкую оценку за тот же или даже более высокий уровень уважительных действий, чем коренные горожане. Следовательно, представления о норме/идеале у мигрантов остаются если не преж-

ними, то, по крайней мере, более высокими, чем городские стандарты, и главные деформации приходится именно на поведение.

Изменения в поведенческих практиках происходят почти незаметно, сами информанты их обычно не фиксируют, если не попросить сфокусироваться в воспоминаниях именно на этом. Значительная часть опрошенных посчитала, что изменений в их поведении не произошло, но показательно, что дрейф поведенческой модели замечали в себе информанты, в большей степени склонные к самонаблюдению, чем остальные. Иногда то, что модель изменилась, обнаруживается почти случайно:

Допустим, деревня, она всегда предусматривает... дело было так даже – приехал однажды домой, когда учился, и с пожилым человеком просто не поздоровался, ну потому что я не знал его в лицо. То вот на следующий день выговор маме сделал этот человек, ну и самому как-то стало уже неудобно – как это так, даже вот если приезжаю, не знаю... этого человека, все равно, поздороваться.

(интервью №7)

И.: А вы сами как относитесь к пожилым?

Р.: Я приучена к тому, чтобы уважать старших. У меня никогда не было мысли, кому-то нахамить. Я не могу пройти мимо пожилого человека (мне обычно встречаются бабули) и не помочь ему, если это требуется. Моей соседке 87 и я часто помогаю ей поднимать сумки на 5 этаж. Она очень вредная и прихотливая, может вызывать полицию в любой момент, когда ничего противоправного не происходит, писать заявления на то, что велосипед моего брата стоял на площадке ее этажа, но все-таки ее возраст нужно уважать, и я уважаю.

И.: Можете вспомнить случай, когда вы сами не проявили уважения?

Р.: Не знаю как и ответить... Мне было стыдно и неудобно, когда в метро зашла очень старая бабушка, а я не уступила ей место. Я хотела сделать это, но никак не могла, потому что два дня назад мне сняли гипс с ноги после серьезного перелома, и нога очень ныла от боли. Представь себе! Не встал никто! Рядом со мной сидело два молодых парня, девушка и мужчина лет 40. Никто! Посмотрели, опустили свои носы в телефоны и так и остались на своих местах. А бабушка-то прям передо мной стоит. И как давай меня

поливать... Пришлось встать, обидно было за себя, и очень нога болела. Вроде как к бабушке я проявляла уважение, но уступить ей место было слишком тяжело.

(интервью №26)

По всей видимости, модель поведения по отношению к пожилым людям может меняться в незначительной степени или даже не меняться вообще у тех мигрантов, которые по переезду в город самоизолируются в родственной культурной среде (например, приехавшие на обучение девушки с Кавказа, живущие у родственников – идеальным случаем здесь является информантка в интервью №3/3а) или попадают в удачный круг знакомств, а также у (кратко)временных мигрантов – то есть у тех, кто не имеет необходимости/стимулов для тотальной интеграции в городскую среду, и не стремится разделить с другими жителями города их социальность (учащиеся⁹, сезонные рабочие и т.д.).

НЕСТАТУСНЫЕ ОТВЕТЫ/ПОВЕДЕНИЕ ПОЖИЛЫХ В СИТУАЦИЯХ КОНТАКТА

Одной из причин отказа от реализации усвоенных моделей уважения являются несимметричные поведенческие ответы пожилых людей – жителей крупных городов в тех ситуациях, когда субъект делает попытки свое уважение проявить. Такие случаи, как правило, довольно редки (ни один информант не вспомнил более 1-2 эпизодов), но прекрасно запоминаются (некоторые из приведенных информантами историй на эту тему произошли несколько лет назад, вплоть до детских воспоминаний) и оказывают эффект настолько сильный, что способны даже в своей единичности изменить траекторию поведения субъекта/наблюдателя.

Во-первых, вежливое отклонение помощи¹⁰, вполне уместное и естественное для городских жителей России, вызывает у представителей восточных культур недоумение и растерянность, вводя их в ситуацию статусной рассогласованности, когда младший сидит, а старший стоит и отказывается занять положенное ему место.

И.: А здесь ваша модель поведения не поменялась? Или уже иногда не встанете [не уступаете место], задумаетесь?

⁹ Например, приедем студентам (в силу возраста, «тепличных» вузовских условий или временности пребывания в чужой социальной среде) социокультурных травм, как правило, удается избежать, и адаптация проходит относительно безболезненно [См.: 77, с. 198; 24, с. 58].

¹⁰ В данном случае под «помощью» имеются в виду широкий диапазон действий, имеющих целью демонстрацию уважения.

Р.: Нет. Я встаю. ... И вот дело в том, что человек, которому я встала, он удивляется (смеется): «Зачем вы встали? Нет, садитесь, я постою!» И мне становится странно, почему он мне так говорит, когда он старше меня, и я ему уступаю место. Бывают такие случаи.

(интервью №3)

И.: Бывают ли пожилые люди в России сами виноваты в неуважении?

Р.: Бывают. В Москве очень часто приходится краснеть, когда вроде бы по доброте душевной место уступаешь, а на тебя с презрением смотрят. Еще и оскорбить пытаются. Неприятно. А на Кавказе того нет. Там ждут такого отношения к себе, поэтому все очень мирно получается.

(интервью №23)

Если человеку стоять уже тяжело – конечно же, ему нужно уступить. Если же он достаточно бодр и молодо выглядит, то это совсем не обязательно. К тому же для некоторых это является обидой – им кажется, что если им уступают, их приравнивают к старикам, значит, они старо выглядят.

(интервью №31)

Отказ от помощи в данном случае – это отказ самого объекта уважения от того, чтобы быть (слишком) старым, естественная реакция для человека культуры современного западного типа, где старость – скорее стигма, чем статус, требующий уважения.

Во-вторых, более конфликтная ситуация – игнорирование/отказ от предложения помощи, а также несимметричные ответы на помощь понимается субъектом как признак недоверия/враждебности, оставляя чувство, что он в своих действиях был неточен, не знает «правил игры», или вообще напрасно их предпринимал.

Исходя из предложенной выше логики «удовольствия от выполнения нормы», это может быть понято и как отказ субъекту в социальности (или ее низкая оценка), указание на его неуместность в данном социальном контексте. Кажется, представителями неславянских этносов это переживается острее, становится препятствием для интеграции в местное сообщество, так как отказ может быть понят как связанный с этнической принадлежностью.

И.: Можете вспомнить случай, когда вы сами не проявили уважения?

Р.: Я никогда не хамила, максимум – могла резко ответить, если наглость переходила все границы. Например, однажды стояла в очереди в банке, и когда подошла моя очередь, передо мной влезла пожилая женщина. Я объяснила ей, что ей следует дождаться своей очереди, на что мне ответили: «Вы, милочка, в России живете, могли бы уже и привыкнуть!» Я сказала: «С такими, как вы, не забудешь, где живешь».

(интервью №33)

И.: А случай, когда бабушка отказалась от Вашей помощи?

Р.: Ну, не обиделась, наверное, но задело – это точно. Потому что... не знаю, может, они считают что сейчас молодежь такая, которая все ворует и ничего... [никаких услуг]... Я предложила, она на меня так посмотрела, нет, говорит. И все, я же ничего, не буду говорить «почему»? Может, потому что она поняла, что я нерусская. Обиды не было, но (обиженным тоном) было странно.

(интервью №3а)

Для России сегодня характерен невысокий уровень толерантности местного населения к мигрантам, в первую очередь к кавказцам [18, С. 42-43, 46; 26, с. 48], и чем крупнее населенный пункт, тем ниже острота проблемы [19, с. 50]. При этом именно пенсионеры – особенно пожилые женщины – являются одной из наименее толерантных к приезжим групп населения [20, с. 67, 77].

Социальная акклиматизация, в числе прочего, предполагает, достаточно точную синхронизацию норм и поведенческих практик. Тонкость подобной настройки для удачных коммуникативных действий весьма важна, хотя и на первый взгляд практически незаметна.

И.: А бывает, что на предложение помощи пожилые люди нервно реагируют?

Р.: Нет. Я же не стараюсь... вот видно, что ей требуется помощь, или даже там просят тебя... ну естественно будет положительная реакция. Но когда не замечаешь, что требуется такая помощь, то... предлагать зачем?

<...>

И.: А сами вы не сталкивались с таким недоверием со стороны пожилых?

Р.: Да ну нет... Последнее время не припомню. Может, раньше было.

(интервью №17)

Рискну предположить, что здесь информант сообщает, что научился различать ситуации, когда помощь – по городским стандартам – необходима и желанна, а когда может с высокой вероятностью быть понята неадекватно, в то время как раньше таким знанием, по всей видимости, не обладал.

В третьих, радикальным ответом на попытки проявить уважение могут быть агрессивные формы отказа, с широким спектром вероятных негативных последствий для самого носителя традиции уважения – от неловкой коммуникативной ситуации до локальных угроз репутации действующего:

Р.: Взять, молодой человек хотел помочь бабушке с тяжелой сумкой, которая сходила с трамвая, например, хотел помочь ей спуститься самой, и сумку донести. Она с криком, что воры, забрала как бы эту сумку, и сказала «не надо, я сама».

сто уже возраст сказывается на... <...> не все с добротой ответят на твою помощь.

(интервью №2)

Возможна и обратная ситуация – иногда требование проявить уважение предъявляется в форме, не совместимой со статусом пожилого человека (в его традиционном понимании), которому следует оказывать знаки внимания:

И.: А бывает, что не уступаете [место в транспорте]?

Р.: Да.

И.: А почему, можете рассказать?

Р.: Ну, иногда просто... на принцип, когда заходит человек, ты хочешь как бы уступить место, а кто-то рядом стоит и говорит «встань и уступи место». Просто приказным тоном, я никогда приказной тон не воспринимал, просто из-за этого, в принцип...

И.: Пожилые у нас тут агрессивнее?

Р.: Вот я об этом и... да... приказной тон.

И.: Там нет такого?

Р.: Там знаете как... Там нет такого, чтобы подошел, «уступи мне место». У нас как бы сами уступают.

И.: Там все более вежливо?

Р.: Не сказать что более... Нормально...

(интервью №20)

Наконец, в-четвертых, нестатусное поведение в целом дисквалифицирует пожилого человека как потенциальный объект уважения.

И.: У вас вообще бывают конфликты с пожилыми людьми?

Р.: Нет. Я предпочитаю всегда соглашаться с их мнением.

И.: Бывают ли пожилые люди в России сами виноваты в неуважении?

Р.: Бывают. Однажды я шла домой с работы, у моего подъезда часто собираются бабушки с нашего дома. Пройдя, я поздоровалась с ними, но видимо, это было слишком тихо, так вот они начали кричать мне вслед грубые слова о неуважении в их сторону, пришлось извиниться, дабы не нарываться на еще большую грубость.

(интервью №28)

И.: А бывают ситуации, когда Вы не проявляете уважение?

Р.: Вы знаете, бывают. Особенно после того, как понаблюдаешь такие моменты, когда... Зашли, вот опять ситуация, дед со своим внуком, посадили внука, а сами стоят. В таких случаях у меня тоже не возникает желания уступить этому человеку. Раз он решил посадить своего внука, а самому стоять – не знаю, я считаю, что это неправильное воспитание, и поэтому не желаю тоже вставать и уступать этому человеку.

(интервью №8)

Категорически против того, чтобы уступать места детям. Он плюхается на сиденье, когда бабушка его стоит, а через 15 лет у этой морды даже мысли не возникнет уступить место какому-то пожилому человеку – ведь, его так воспитали.

(интервью №34)

Ситуация перевернутых ценностей, когда дед уступает место своему внуку, приводит носителя традиционных представлений о возрастных привилегиях к когнитивному диссонансу. Такое поведение маркируется как нестатусное, и отказ от уважительных действий в этом случае – следствие отсутствия, по мнению инфор-

манта, соответствующего статусу самоуважения у самого пожилого человека - а следует ли совершать статусные действия к нестатусному объекту? Этот тезис следует понимать максимально широко, так как несоответствие статусу может прочитываться из многих визуальных/поведенческих характеристик пожилого человека.

ТРАДИЦИОННОЕ И НЕПРЕСТИЖНОЕ: СЫНОВНЯЯ ПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ КАК ПАРАФРАЗ «МАМЕНЬКИНОГО СЫНКА»

В городских условиях строгое следование традициям, особенно таким, которые непонятны/невидимы для аборигенов, может стать поводом для насмешек или иных репрессивных действий.

Р.: Даже если в аудиторию заходят, у нас принято старшего пропускать, даже если он не старый, а старше тебя ... [А здесь] ничего, никакого уважения незаметно.

И.: А для вас это дискомфорт?

Р.: Дискомфорт. Я когда первый год, я становилась у двери, и ждала, когда все зайдут старше меня. Меня всегда одноклассники подкалывали. Ну, я привыкла сейчас...

(интервью №3)

Возможно, частью мигрантов такая приверженность традициям под давлением окружения начинает восприниматься как признак слабости/несамостоятельности, непрестижный/устаревший вариант поведения, не приносящий выгод, от которого следует отказаться для успешной адаптации.

Кавказские традиции видятся из перспективы европеизированной России иначе: неслучайно то, что сами представители кавказских культур склонны описывать как «уважение» к старшим, информанты с европейской ментальностью, имевшие тесный/продолжительный опыт взаимодействия с этими культурными традициями, описывают скорее как «страх» [См. также примеры подобных противоречий в: 21, с. 45, 47; 22].

Традиционный кавказский тип поведения в вопросах автономности/самостоятельности неожиданно рифмуется с «маменькиным сынком». Безусловно, их едва ли возможно спутать в жизни (так как «маменькин сынок» мыслится в первую очередь как жертва неудавшейся социализации с произошедшими вслед-

ствие этого деформациями личности, чего нельзя сказать о представителе традиционной культуры), однако безусловен ряд общих/близких черт: ни тот, ни другой в близком общении не прочитывается как автономная фигура (в гораздо большей степени это, разумеется, касается женщин) – напротив, это манипулируемый семьей объект с отсроченной самостоятельностью, воля его по целому ряду вопросов неэрегирована. Несмотря на то, что этимология страхов как причина низкой автономности у них различна (маменькин сынок боится скорее внешнего, находящегося вне круга влияния семьи, человек традиционной культуры – внутреннего, персонифицированного в фигуре отца), в практических последствиях эта ограниченность в возможностях оказывается весьма близка. Зависимость от семьи/рода (относительно привычной горожанам) во многих вопросах – от организации досуга до выбора брачного партнера сужает человеку традиционной культуры карьерные и коммуникативные перспективы. В городской борьбе за жизненный успех он иногда оказывается перед необходимостью сбросить балласт традиций – или проиграть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Исследование отношения к старости не может ориентироваться как на образец на ситуацию, характерную для сельских (и вообще многих традиционных) сообществ, поскольку они представляют собой первичные группы, в рамках которых всякое нарушение общепринятых норм не может остаться анонимным и грозит серьезными репутационными издержками. В свою очередь, и помощь или прочие уважительные действия по отношению к пожилым людям не могут быть описаны как таковые в чистом виде, поскольку всякий элемент взаимопомощи здесь оказывается лишь одним из звеньев в длинной цепи интеракций со своей богатой историей. Акт уважения в таких обществах не может считаться единицей анализа, хотя и может считаться маркером «здоровой» социальности.
2. При этом современная «кавказская» («традиционная») модель уважения принципиально отличается от «сельской» и иллюстрирует теоретическое различие в типах уважения, обозначенное выше. Различие между условными «традиционными» (Средняя Азия, Кавказ) и собственно российскими территориями не в частоте соблюдения норм, а в различных моделях уважения.
3. Один из наиболее интересных и перспективных сюжетов здесь – как меняются установки мигрантов из указанных областей (сельская местность, Кавказ, Средняя Азия и т.п.) по отношению к пожилым людям после переезда первых в крупный российский город. Результаты качественного исследования (глубинные интервью) показали, что представления о норме уважения у мигрантов остаются если не прежними, то, по крайней мере, все же более высокими, чем городские стандарты, и главные деформации приходится именно на поведение, но происходят они медленно и порой почти незаметно для них самих. У определенной части мигрантов (попадающих по приезду в родственную культурную среду/сообщество; приехавших на непродолжительное время) изменений может не быть вовсе.
4. Среди причин того, что представители культур с традиционно уважительным отношением к старости не проявляют его в должной степени в российских условиях, следует назвать следующие: а) практически полное отсутствие репрессивных санкций за неоказание уважения; б) эрозия способа уважения –

несимметричные реакции пожилых людей в России в ситуациях межпоколенческих контактов сбивают носителей «уважительной» культурной традиции с усвоенных ими моделей реализации уважения; несмотря на немногочисленность таких случаев, они могут изменять траектории поведения субъекта/наблюдателя; в) размытость объекта уважения – нестатусное, с точки зрения представителей традиционных культур, поведение пожилых может не просто вступать в противоречие с имеющимися представлениями о норме, но и дисквалифицировать пожилого человека как потенциальный объект уважения; г) в городских условиях строгое следование традициям, особенно таким, которые непонятны/незаметны для аборигенов, может стать поводом для насмешек или иных репрессивных действий. Возможно, частью мигрантов такая приверженность традициям под давлением окружения начинает восприниматься как признак слабости/несамостоятельности, непрестижный/устаревший вариант поведения, от которого следует отказаться для успешной адаптации.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

интервью №1 – 28.05.07, А., 21 год, (м.) – опыт азербайджанской культурной традиции

интервью №2 – 01.11.07, З., 19 лет, (ж.) – опыт дагестанской культурной традиции, Воронежская область, с. Пески

интервью №3 – 01.12.07, М., 19 лет, (ж.) – ингушская культурная традиция, г. Назрань

интервью №3а – 27.12.07, М., 19 лет, (ж.), – ингушская культурная традиция, г. Назрань, повторное интервью – см. №3)

интервью №4 – январь 2008, В., 23 года, (м.) – студент заочного обучения/рабочий, г. Москва/г. Саратов

интервью №5 – 04.03.08, А., 21 год, (м.) – г. Александров Гай

интервью №5а – 15.04.08, парное: А., 21 год, (м.), (повторное интервью – см. №16), + А., 21 год, (м.)

интервью №6 – 12.03.08, Р., 22 года, (м.) – г. Петровск, татарская культурная традиция

интервью №7 – 14.03.08, В., 20 лет, (м.) – Красный Кут, п.г.т. Студгородок

интервью №8 – 15.03.08, Х., 20 лет, (м.) – дагестанская культурная традиция, Дагестан, г. Дербент

интервью №9 – 20.03.08, Е., 21 год, (ж.) – опыт казахской культурной традиции, г. Уральск

интервью №10 – 03.04.08, В., 20 лет, (м.) – Тюменская область, Нижневартовский район, г. Новоаганск

интервью №11 – 05.04.08, Е., 21 год, (ж.) – г. Балаково

интервью №12 – 27.05.08, А., 21 год, (м.) – г. Ершов

интервью №13 – 31.05.08, А., 21 год, (м.) – Ханты-Мансийский АО, п.г.т. Пойковский

интервью №14 – июнь 2008, Н., 31 год, (ж.) – студентка заочного отделения/госслужащий, Татищевский район, с. Вязовка

интервью №15 – июнь 2008, П., 25 лет, (м.) – студент заочного отделения/рабочий, Татищевский район, с. Сторожевка

интервью №16 – 23.10.08, М., 19 лет, (м.) – г. Калининск

интервью №17 – 21.11.08, В., 19 лет, (м.) – Сабуровский район, п.г.т. Лысье
горы

интервью №18 – 05.12.08, А., 19 лет, (м.) – Духовницкий район, дер. Горяи-
новка

интервью №19 – 05.12.08, С., 19 лет, (м.) – пос. Октябрьский

интервью №20 – 20.12.08, А., 19 лет, (м.) – опыт осетинской культурной тра-
диции, Северная Осетия-Алания, г. Моздок

интервью №21 – 20.12.08, Р., 19 лет, (м.) – Екатерининский район, с. Ольшан-
ка

интервью №22 – май 2016, Н., 49 лет, (ж.), Смоленск/Москва.

Интервью №23 - май 2016, М., 19 лет, (ж.), Пятигорск, с 2015 - Москва

Интервью №24 - май 2016, А., 19 лет, (ж.), Беларусь, Быхов, с 2015 - Москва

Интервью №25 - апрель 2016, Н., 46 лет (ж.), армянская культурная традиция

Интервью №26 - апрель 2016, Н., 17 лет (ж.), Фряново/Москва

интервью №27 - апрель 2016, П., 71 год, (ж.), жительница поселка.

интервью №28 - апрель 2016, З., 53 года (ж.), Армения, с 2010 - Москва.

Интервью №29 - апрель 2016, М., 22 года (ж.), Владикавказ/Москва

Интервью №30 - апрель 2016, Н., 68 лет (ж.), Москва.

Интервью №31 - апрель 2016, М., 54 года, (ж.).

Интервью №32 - апрель 2016, А., 19 лет (м.), Донецк.

Интервью №33 - март 2016, А., 46 лет (ж.), армянская культурная традиция

Интервью №34 - апрель 2016, 19 лет (м.).

Интервью №35 – апрель 2007, 20 лет (ж)

Интервью №36 – апрель 2007, 21 год (м.)

Интервью №37 – май 2007, 21 год (м.)

Интервью №38 – декабрь 2007, 20 лет (ж.)

Интервью №39 – декабрь 2007, 20 лет (ж.)

Интервью №40 - февраль 2008, 19 лет (м.)

Интервью №41 – апрель 2008, 23 года (м.), Саратов/Москва

Интервью №42 – октябрь 2010, 21 год (м.)

Интервью №43 – ноябрь 2010, 22 года (м.)

Интервью №44 – март 2011, 19 лет (м.)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Bengtson V. Theorizing and Social Gerontology // International Journal of Ageing and Later Life. 2006. Vol. 1. №1.
- 2 Achenbaum W.A. Shades of Gray, Revisited // Hallym International Journal of Aging. 2002. Vol. 4. №1.
- 3 Бодрийяр Ж. Символически обмен и смерть. Пер. с франц. М.: Добросвет, 2000.
- 4 Хрисанфова Е.Н. Основы геронтологии. М.: Инфра-М, 1998.
- 5 Katz S., Marshall B. Is the functional 'normal'? Aging, sexuality and the bio-marking of successful living // History of the Human Sciences, 2004. Vol. 17, P. 53–75.
- 6 Смолькин А.А. Медицинский дискурс в конструировании образа старости // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. №2(39). С. 134-141.
- 7 Achenbaum, W.A. 1995. Crossing Frontiers: Gerontology Emerges as a Science. New York: Columbia University Press.
- 8 Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (проблема социально-культурного синтеза). Нальчик: Каб.-Балк. Ун-т, 2007.
- 9 Тхагапсоев Х.Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб.: Астерион, 2008.
- 10 Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999.
- 11 Унежев К.Х. Культура и быт адыгов (черкесов) и балкарцев. Уч. пособие. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003.
- 12 Бгажноков Б.Х. Старшинство в социальной организации адыгских народов // Этнографическое обозрение. 2002. №4.
- 13 Смолькин А.А. Исторические формы отношения к старости // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). – С. 253-264.
- 14 Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Б.и., 1992.
- 15 Яндиев М.А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

- 16 Бабич И.Л. Взаимосвязь современных горских идеологий и национальных интересов России на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М.: Росинформагротех, 2008.
- 17 Дементьева С.В. Особенности адаптации мигрантов из зарубежных стран в городах России (по данным социологических исследований) // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 5.
- 18 Березин С.В., Козлов Д.Д., Лисецкий К.С., Макаров А.В. Адаптация студентов Северного Кавказа в ВУЗах г. Самары (опыт практической работы). Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004.
- 19 Бадыштова И.М. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) // Социологические исследования. 2003. №6.
- 20 Титов В.Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2003. №11.
- 21 Кириллова Е.К. Проблемы вынужденных переселенцев в России: глазами мигрантов // Социологические исследования. 2004. №11.
- 22 Гудков Л. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. №6(80).